НЕБО У НОГ

62-1
878

НЕБО У НОГ

ТЮМЕНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

Станислав СЕРИКОВ

ЗВЕЗДЫ

Очень искренне, очень просто,
Не задумываясь порой,
Мы девчонкам дарили звезды —
Те, что в небе над головой.

Объяснялись в любви стихами,
Придавали значение снам.
А девчонки в ответ вздыхали
И не очень-то верили нам.

И теперь у калиток ребята
Под сиреневым небом ночным
Дарят звезды, как мы когда-то,
Ненаглядным подругам своим.

Им, конечно, особая вера —
Ничего не попишешь тут,
Потому что в другую эру
Эти славные парни живут.

Им, не хвастая перед невестами,
Межпланетные трассы торить
И не звездами, а созвездиями
Всех людей на земле одарить.

В ГОРАХ

Тому, кто хотя бы однажды
На горном хребте побывал,
Надолго запомнится каждый
На трудном пути перевал.

Запомнятся острые камни,
Утесов седые столпы,
Уступы, что щупал руками,
Боясь оступиться с тропы.

Сжимая ущелья,
сурово
Громады встают по бокам...
Но хочется снова и снова
Подняться сюда к облакам.

По черным и диким теснинам,
По кручам кремнистых дорог
Добраться до самой вершины,
Где плещется небо у ног.

ДОРОГА

Легла — упругая, как жгут,
И в серых клубах пыли
В березовую даль бегут
По ней автомобили.

Скрипят и стонут кузова
С утра до поздней ночи.
Бензином жухлая трава
Пропахла у обочин.

Грузовики провозят тес,
Цемент, зерно, известку...
Дорога сотнями колес
Шлифуется до лоска.

И, находясь всегда в строю,
Она берет машины
На неустанную свою
Мозолистую спину.

Лишь перед новою зарей
Ей отдых от работы, —
И вся она блестит росой,
Как капельками пота.

* * *

Чтобы увидеть твою улыбку
И в твои заглянуть глаза,
Я стоял часовым у калитки,
Где сирень захлестнула сад.

Надо мной издевались ребята:
— Эй, влюбленный! — возьми
ружьецо...
И в придачу луна щербатая
Мне смеялась прямо в лицо.

Я терпел. Был я парень крепкий.
Я простаивал до петухов,
Собирая росу на кепку,
На штанины — пыль лопухов.

Только зря я девчонке доказывал,
Что сверхпреданным был таким;
Упорхнула моя сероглазая,
Улыбаясь, рядом с другим.

Я остался с такою болью,
Что не скоро уняться ей...
Это все-таки было любовью,
Самой первой любовью моей.

Иван ИСТОМИН

ТВОРЧЕСТВО

Был охотник счастья полон:
Бивень мамонта нашел он.
Как находке не дивиться —
Редкий случай на веку!

У костра меж нами сидя,
Так решил: из кости выйдет,
Может быть, пороховница
Или ножны к тесаку.

Мы ему сказали: — Сделай
Нам на этой кости белой
Тундры вольные просторы.
...И задумался старик...

А когда погасли звезды,
Видим, он искусно создал
Образ Ленина, который
В душу каждого проник.

ПАСТУХ

В небе звезды бродят без дороги,
Там пасет их месяц косорогий.
Звезды — там, олени — на снегу,
Их я очень зорко стерегу.

Рыба любит воду, птица — небо,
Мил оленю свежий мох, а мне бы
Больше ясных дней, да зорче глаз,
Да придти к стадам еще не раз!

Михаил ЛЕЦКИЙ

* * *

Если трезво смотреть на вещи,
То и неба-то вовсе нет.
Но когда в тебе радость плещет
И тебе восемнадцать лет, —

Очень верится в светлое небо,
По которому плыть бы да плыть...
Очень верится в то, чего не было,
Но должно обязательно быть.

ФИДЕЛЬ

Фидель — он похож на камень,
Когда говорит с врагами.
Фидель — он похож на солнце,
Когда с друзьями смеется.

А больше всего, конечно,
Похож он на сердце людское:
Ведь сердце, пока оно живо,
Ни секунды не знает покоя.

Петр АМЕЛИН

* * *

Мы по земле
и ездили и топали,
Мы и едим
и пьем ее дары.

Мы на земле
зеленопенным тополем,
как тучей,
укрывались от жары.
Ее мы рыли, будучи солдатами,
кострами согревали,
брали в путь.
О, мать-земля!
Мы, соколы крылатые,
не разрешим,
чтобы в руках с гранатами
чужой солдат
ступал
тебе на грудь.

РЯДОВОЙ

Человек, преследуемый жаждой,
обоженный духотою дня,
поступил,
как поступил бы каждый:
— Я пойду,
полфляги у меня...

Человеку пробираться тяжко,
от него,
владельца двух гранат,
ожидал единственное —
фляжку
кровью истекающий солдат.

Даже солнце
белое, как кипень,
не желало смерти и беды
человеку, что шептал:
— Ну выпей,
Колька,
выпей хоть глоток воды.

Выругайся, что ли,
будет легче.

Слышишь, Колька,
умереть не дам!

И, взвалив товарища на плечи,
он пополз
бессмертию
навстречу
По стерне,
окопам
и цветам.

ПОДСНЕЖНИКИ ЦВЕТУТ

Где днем и ночью
всех калибров пушки
на все живое наводили страх,
я повстречал тюменскую девчушку
в шинели
и солдатских сапогах.
Под небом, разукрашенным гуашью,
она,
присев на пень у костерка,
чуть-чуть смущаясь, уплетала кашу
из закопченной крышки котелка.
Солдат
всегда смекалист и находчив.
Я козырнул —
я отдаю ей честь.
Помешкал малость,
заглянул ей в очи,
сказал:
— Позвольте рядышком присесть!
Она короткой передышке рада.
А через час,
плечом к плечу со мной
сквозь гулкие раскаты канонады
идет
в смертельный рукопашный бой.

Она идет
через поля и топи.
Солдата путь
к большой победе крут,
но в каждом
нами занятом окопе
войне назло
подснежники цветут.

ЛЕСОРУБ

Я снег люблю
и я по снегу-сахару
ходил в поля,
ветрам подставив лоб,
с крутой горы,
от восхищенья ахая,
пикировал
вниз головой
в сугроб.
Да, это было.
Все это из прошлого.
Но вот я вновь,
от инея седой,
иду с рассветом
снежною порошею
в руках с певучей,
как струна, пилой.
Передо мной
тайга, сутулясь, пятится,
со мною ветер,
как и прежде, груб.
Но где,
перед какою неурядицей
сдавал
в тайгу влюбленный лесоруб?
Знать потому,

из чащи трусов вытеснив,
извечно непокорная тайга
под ноги мне,
как сказочному витязю,
рассыпала скрипучие снега.
Пускай
за ворот —
снега хлопья пухлые,
в лицо —
звенящий ветер,
как хрусталь.
Сосна,
что предо мною
навзничь рухнула
надежной шпалой
ляжет в магистраль.

ГУСИ

Косяк гусей, летя под тучами,
На юг, где редко вьюжит снег,
В моем краю, воспетом Тютчевым,
Остановился на ночлег.

Пройдя над домиками веером,
Пернатые с большим трудом
Облюбовали поле клевера
Под временный аэродром.

И вот они, розоволапые,
С опаской напрягая слух,
Любуются, как дождик капает
Из уходящих туч на юг.

Вдруг ветерок легко и кротко
Заплакал в лозах ивняка,
И задушевной песни нотка
Насторожила вожака.

Он крылья развернул могучие
И, совершив прощальный круг,
Повел косяк гусей за тучами,
За реки и моря, на юг.

Они, летя над полем клевера,
Вдруг увидали под собой:
Туманы, словно вьюги Севера,
Закутывали шар земной.

Косяк гусей нес в лапках розовых
На юг, штурмуя высоту,
Моих озер и рощ березовых
Немеркнущую красоту.

Валентин ЗАКОНОВ

ЭКСКАВАТОРЩИК

Здесь ссорились цари и ханы,
Мечом решая древний спор,
Здесь даже, кажется, курганы
Не помирились до сих пор.

Но экскаваторщик сегодня
В местах, где этот спор вела,
Вдруг зачерпнул стальной ладонью
И поднял первый куб земли.

И он глядел — само бессмертье —
Глаза прищуривал слегка,
Как падали тысячелетья
И разбивались на века.

И постигая мудрость буден,
Он строго — как никто другой —
Что было, есть, и все, что будет,
Своею взвешивал рукой.

Федор НЕЧАЕВ

ЗЕРНО

Срывает лист с календаря
Сырой осенний день.
Угасла бледная заря
За далью деревень.

Пускай ненастной ночи тень
Закрыла все собой,
Но ведь не зря минувший день
Мы прожили с тобой.

Вчера отборное зерно
Свезли мы в закрома,
Сверкает золотом оно,
Звенит в нем жизнь сама.

Оно достанет из земли
И уголь и руду,
Зажжет в космической пыли
Советскую звезду.

Украсит жизнь и отстоит
Мир на земле оно...
Какую мощь в себе таит
Пшеничное зерно!

ХЛЕБОРОБ

Я простой деревенский парень
Знаю, как по весне земля,
Согреваясь, дымится паром,
Хлеборобов сердца веселя.

Заросла б она горькой полынью,
Стала грубым ненужным дерном,
Если б рано весной, по теплыни,
Я ее не засеял зерном.

Я работал, забыв о прогулке,
Труд вернулся достатком в мой дом...
Пахнут солнечным августом булки
За обеденным зимним столом.

Юван ШЕСТАЛОВ

РОССИЯ

Когда в немыслимую стужу
Погибла мать моя,
когда
Мою мальчишескую душу
Заледенили холода,
Мне на плечо рука России,
Как материнская, легла.

Россия мне и ум, и силу,
И кровь, и сытный хлеб дала.
Она в глаза мне посмотрела
Так по-весеннему светло,
Что сразу душу мне согрело
Ее сердечное тепло.
А вот когда вступил я в юность,
Она, Россия, для меня
Вдруг девушкою обернулась
С глазами, полными огня.
И сердце, словно солнце мая,
Она зажгла в моей груди,
Ей руку белую сжимая,
Я видел счастье впереди.
В дни радостные и лихие
Женой и другом мне была.
И как подарок от России,
Она мне дочку родила.
Вот дочь в глаза мои заглянет,
Начнет язык мой понимать...
Пусть, как Россия, доброй станет,
И очень ласковой, как мать.
И пусть еще такое будет:
Две крови в ней в одной живут,
Пускай ее мансийкой люди
И россиянкою зовут!

❄ ❄
❄

В морозном небе звезды хохлятся,
Лучами зябкими звеня.
А ей, березоньке, не холодно —
Пригрелась в сердце у меня.
Теплей и сердцу с русским деревцем,
Не страшно встретиться с пургой,
Куда оно, пустое, денется
Без этой ноши дорогой?
Снега лежат.
А сердцу хочется
Заслышать легкие шаги.
В морозном небе звезды хохлятся...
Как ночи зимние долги!
Хочу, чтоб звезды мне напомнили
Сиянье глаз березки той,
Чтоб были сны мои наполнены
Ее лебяжьей теплотой!
Пугай, зима, — гляди волчицею,
Бураном вой, гуди в трубе,
Я сберегу березку чистую,
Я не отдам ее тебе!

Владимир **ФАЛЕЙ**

САКСОНСКОЙ ДЕВУШКЕ

Загляделся я в очи синие:
Как у наших они Анют.
Ты ведь Родину не покинешь,
Я ведь Родину не сменю.

Мы не строили в невесомости
Счастья нашего терема.
Знаю, ищет тебя саксонец,
Чтоб сходить по тебе с ума.

Но сейчас эти очи-синька
Так глубоки, что я боюсь...
Разреши зачерпну слезинку —
Увезу на родную Русь.

Контрабандой? О нет, умолкнут
Пограничники у столбов:
Мне немецкая комсомолка
Подарила свою любовь.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

ОСЕНЬ

Не люблю весенней парадности:
И льды идут, как железо,
И все хмелеет от радости
И целоваться лезет.

Хоть бодро горланю со всеми я,
Но вижу кругом нелепость:
Творятся дела весенние
Спросонья как-то, сослепу.

А мне милее — проселками
Осень идет веселая,
Нарядная, но не шумная,
Веселая — не бездумная.

Люблю чистоту небесную,
Земную люблю загорелость
И осени скромность невестину,
Ее налитую зрелость.

Она с тончайшими чувствами,
С задумчивостью такою...
И сеет она без устали,
О будущем беспокоясь.

ЛЮБОПЫТСТВО

Звоном и хрустом
Природа цвела.
Мама в капусте
Меня нашла.

Весело у тропки
Орали петухи.
Шлепали по попке
Меня лопухи.

Ветер с поклонцем
Целовал в уста.
Брызнуло солнце —
Конопатым стал.

Вон цветик желтый —
Ну просто — ах!
Я встал и пошел
На кривых ногах.

А почему у чалки
Черная челка?
А почему жалко
Не в ротике у пчелки?

И с какого толку
Лопнул стручок?
И зачем за телочкой
Ходит бычок?

А мама пальцем:
Бо-бо, нельзя!
Куда ты пялишь,
Пострел, глаза!

А мир — в прищуре.
Спешу напиться
Его с кощунственным
Любопытством.

Андрей ТАРХАНОВ

ВЕЧЕРНЯЯ ВОЛНА

Уснули селезни за луговиною,
Но лишь не спит вечерняя волна,
Несет она мне песню лебединую,
О дальнем крае говорит она.

А в том краю озера сине-синие,
Я там оставил парус и весло.
О, отчего же с песней лебединою
Сегодня их ко мне не принесло?

* * *

От мороза в инее
Брови соболиные
И ресницы длинные
Над глазами синими.

Ты стоишь усталая
И неторопливая,
Вся, как жизнь, красивая,
Голубика, талая.

ВЕСЕННИЕ КОСТРЫ

За рекой сегодня жгут покосы,
За рекой весенние костры,
И белеют горностаем косы
У черемухи — моей сестры.
В этот праздник жизни
Разве можно
Жить без песен и без новизны,
Если в небо алое заброшен
Золотой пожар моей весны?
Отпылает завтра в день погожий
Это пламя,
чтобы новь цвела.
Я хочу, чтоб жизнь моя похожа
На костры весенние была.

Станислав НАЗАРОВ

ВТОРОЕ ЦВЕТЕНИЕ

Белых мух непрошенная стая
Подлетела к городу тишком—
С полпути владычица седая
О себе напомнила снежком.

Утром обжигающим, осенним
Смотрят люди — слова не найдут:
Будто зацвела вторым цветеньем
Невеличка-яблонька в саду.

Чья рука накинула на ветки
Выпускницы праздничный наряд?
— Ну, талант у живописца —
редкий! —
Про природу люди говорят.

Видно — кисть работала здесь ловко,
Нанося узор на полотно.
Только жаль, что место в Третьяковке
Полотну занять не суждено.

Микуль ШУЛЬГИН

В МЕДВЕЖЬЕМ БОРУ

В лес непуганных птиц, в музыкальность
медвежьего бора,
Где восход золотым и листву и хвою
окропил,
Ворвались разудалые, буйные песни
мотора,

И взлетел подголосками хор
электрических пил.
Сосны падали навзничь под грохот
железа и меди.
И мелодия битвы пугала разбуженный
лес,
И пришли ее слушать любители песен —
медведи,
А один так увлекся, что к нам на
делянку залез ..
Но пила—не ружье, порох нам не
заменят опилки.
Как бы вдруг «меценат» из хористов
не сделал рагу...
Но медведь потоптался, поскреб
виновато в затылке,
Одобрительно крякнул, качнул головой
и — в тайгу!
Ох, и много тревог пережить косолапому
мишке!
Догонять эта песня в тайге его будет
не раз,
Он увидит еще нефтяные ребристые
вышки,
Он услышит, как двинется в трубы
запаянный газ,
Он увидит — болото разрежут дороги,
И по рельсам звенящим в тайгу поезда
заспешат...

Не найти неуклюжему больше спокойной
берлоги
И, пожалуй, пора на восток уводить
медвежат.

АВКА

Будто семицветные искринки,
Звездчатые кружатся снежинки,
Умный Авка мчится лунной ночью,
Трудится: везет в селенье почту.
Малица моя от снежных блесток, —
Словно неба синий звездный лоскут.
Прямо с нарт гляжу я в поднебесье.
Из груди, ручьем весенним — песня!
Самолет во мгле голубоватой
Пролетает нартою крылатой,
И с холма мигают над лесами
Огоньки веселыми глазами.
Ветер капюшон мой раздувает,
В инее кисы, как горностаи,
Дуй, крепчай, мой ветер быстроногий, —
Не свернешь меня с прямой дороги!
Как песец, олень заиндевелый
Мчит без устали равниной белой...
Пахнет дымом, очагом знакомым...
— Авка, Авка, вот мы, друг, и дома!

Николай КАСЬЯНОВ

ВРЕМЯ

На время жаден я —
Все не хватает дня.
Он кажется до боли мне короток.
Я час ловлю,
как за узду коня:

— Остановись! Не кончена работа.
Но время движется вперед
шагами стрелок.
И солнце рвет поводья,
мчась на запад.
Я мучаюсь и злюсь,
как мало сделал,
Как много остается вновь на завтра.
А завтра будет для меня короче —
Года не к лету, к осени поплыли.
Крепись, бодрись,
но хочешь, иль не хочешь,
Они виски уже посеребрили.
Но все равно
я встану рано завтра
И много сделаю
до наступленья дня.
И солнце, уходящее на запад,
Я за узду поймаю, как коня!

* * *

В огромных лужах расплескалось небо,
Стоят в воде продрогшие кусты.
Уже асфальт очистился от снега,
И тротуары празднично чисты.

Сосульки держатся пока что крепко.
Но люди верят в теплые деньки —
На улице мелькают шляпы, кепки,
И словно ветер сдул воротники.

Иван ЮГАНПЕЛИК

В ОБСКОЙ ГУБЕ

За свет большой своей судьбы
Мы голос отдаем!
Стоит на льду Обской губы
Наш полотняный дом.

У входа — рыбы вороха —
Богатым будь колхоз!
И наша сеть лежит суха —
Сушил ее мороз.

Недаром урна полчаса
Стояла на столе:
Услышат наши голоса
Там, на Большой земле!

И вот уносится в рассвет
Над нартой красный флаг,
И долго-долго смотрит вслед
Товарищ мой, рыбак.

На льду полозьев полоса
Отчетливо видна...
Простые наши голоса
Услышит вся страна!

НОВОЕ КИНО ПОСМОТРИМ

Целый день ходили по льду —
Проверяли сети молча,
Возле прорубей немало
Крупной рыбы набросали.

Проверяли сети молча,
Много их — конца не видно,
А другую половину
Завтра, стало быть, проверим.

Есть на льду у нас палатка:
Ходит жар в железной печке,
И на жердочке, как птица,
Репродуктор песню тянет.

А сегодня к нам приехал
С берега киномеханик:
Как работу мы окончим —
Новое кино посмотрим.

Николай МЕРЕЖНИКОВ

ДАЛЬНЯЯ РОДНЯ

В старом ватнике,
С котомкой тощей
Да с ведром картошки про запас,
Попрощавшись с порыжелой рощей,

Я пошел учиться в пятый класс,
В пятый класс. За десять
километров.
Все ж не сладко, что там ни скажи,
Не в избенке, матерью согретой, —
На квартире родственников жить.
А родня... Она, по всем приметам,
Лучше довоенного жила.
Белый хлеб, и масло, и котлеты
Не сходили в будни со стола.
Как же так? — терялся я в
сомненьях, —
Люди в хлеб мешают лебеду,
Варят часто травы и коренья...
Кто ж отвел от родичей беду?
Помню вечер.
Тлел в окошке алый,
Синью размываемый лоскут.
В дом поспешно женщина вбежала
И с порога:
— Власьевна!
— Я тут.
Из-за печи выплыла старушка,
Дряблая и липкая, как моль,
— Власьевна, мне спирту.
Хоть чекушку.
Муж вернулся!
Муж пришел домой.

— Что ты, Маша? Нету...
И откуда?
— Я — не даром.
Нате вот жакет.
Надевала в девках...
— Дай посуду...
Так и быть. Хоть лишнего и нет...
Навсегда запомнилось мне это
И сейчас стоит еще в глазах,
Как ушла соседка без жакета,
С четвертинкой маленькой в руках.
Я ушел с обветренною кожей,
С тысячами трудностей на дню
В добрый мир счастливо непохожих
На мою неближнюю родню.

В ДОМЕ ПРИЕЗЖИХ

Вот закат отпраздновал.
Ночь. Тепло. Уют.
Люди спят по-разному,
Так же, как живут.

Снится беспокойное
Парню с целины —
Сосны прямоствольные!
Здорово нужны!

Люди... понимаете?
Дайте пять машин...
Он умолк. И маятник
Снова заспешил.

— Мало аргументов вам?
Двадцать пять семей!
И в шатрах... в брезентовых...
Дело-то к зиме.

Он по смятой простыни
Грохнул кулаком:
— Либо лес подбросьте мне,
Либо я... в обком.

А сосед причмокивал.
Сочно. Звучно. Всласть.
Будто рядом, около,
Патока лилась.

Будто чину важному
Появиться тут.:.
Люди спят по-разному,
Так же, как живут.

ОТЕЦ И СЫН

— Цыц, щенок! —
Схватил мальца за ворот.
— На отца?
Гляди, такой-сякой!
Или ты давно уже не порот?
Так ремень-то вот он,
под рукой.

А ему не боязно, парнишке.
Он готов хоть в воду, хоть в огонь —
Потонуть, погаснуть после
вспышки...
— Бей меня, а маму, слышь, не
тронь.

А она, как раненая птица,
Закрывает крыльями птенца.
— Толя, Толя! Лучше отступиться.
Я стерплю... Послушайся отца.
Но мальчишка выдохнул с запалом:
— Хватит нам терпеть... из-за куска.
Сами заработаем...

Разжалась

Жесткая, чугунная рука.

Отрезвев,
Как будто бы впервые,
Посмотрел на сына и застыл:

Чьи у парня эти волевые
Умные и строгие черты?
В эту ночь, не тронув одеяла,
Будет он перебирать года,
Где, когда и как порастерял он
То, что нынче в сыне увидал?

УСТАЛОСТЬ

Присел на крылечко — разуть
сапоги.
Присел и сразу уснул.
Сжимала рука и во сне рычаги.
Захлестывал уши гул.
Натужно и глухо лязгали траки.
И рвался в бункер поток.
Он спал.
И склевывали цыплята
Пшеницу с его сапог.

Леонид ЛАПЦУЙ

ТИШЕ ТЫ, ПУР-РЕКА!

Тише ты, Пур-река,
Скрученная, как трос!
Белые, как снега,
Пряди твоих волос.

Выше сопки твоя
Бешеная волна,
Ярче стали твоя
Пасмурная волна!

Бьют по седой воде
Весла, как два крыла,
Лодка — долбленый кедр —
Быстрая, как стрела.

То, как гагара, вниз
В черную глубь нырнет,
То через три волны
Сразу перемахнет.

Тише ты, Пур-река!
Брови свои не хмурь!
Выбей из головы
Ярость свою и дурь.

Песню весел моих
Голосом подхвати,
Лодку — долбленый кедр —
На плечи подхвати!

Чтобы за лодкой моей
Ястребу не поспеть!
Ну-ка, давай, река,
В лад нашу песню петь!

Я сочиню, а ты
Тонко ее шлифуй,
Я сочиню, а ты
Долго ее тяни,
Чтобы была слышна
На берегах она.

Федор ЧУРСИН

ГОРОДОК

Пятилетний,
трехэтажный
новенький,
Выросший в таежном уголке.
Что-то очень близкое к диковинке
Мне открылось в этом городке.

Ни усадеб, ни оград чугунных,
Ни пузатых куполов над ним.
В самый раз в нем обживаться юным
Да и всем, по духу молодым.
Над лесами строек — стрелы кранов.
И куда вдоль улиц ни взгляни,
Там, где быть газонам и фонтанам —
Вверх корнями осьминоги-пни.
Он еще немноголюдный,
маленький,
По утрам в тумане, как в дыму,
Девушки спешат к реке в купальниках,
Платья оставляя на дому.
Солнечный,
стремительный,
старательный,
В строй других встающий налегке.
Вам бы захотелось обязательно
Прописаться в этом городке.

ЭСТАКАДА

От зари до зари к эстакаде
Трактористы трелюют лес.
Эстакада, как в парке эстрада,
На которой гремит оркестр.

Словно в бубен, на гулком морозе
Бьют с разлету бревна в простор.
И погрузочный кран виртуозен,
Как прославленный дирижер.

Лесорубы, друзья-лесорубы,
Не скажу про вас: не грубы.
Но улыбки, как снег, белозубы
И, как смоль, из-под шапок чубы.

Сколько музыки, сколько лада
За собой вы несете в лес.
Эстакада, как в парке эстрада,
На которой гремит оркестр.

КАК НИ ГОРЬКИ РАССТАВАНЬЯ...

Четыре дня, дробясь в осколки
Шел по Оби тяжелый лед.
А нынче в северном поселке
Встречают первый пароход.

Вот троекратно прозвучали
Традиционные гудки,
Вот, словно птицы над причалом
Взметнулись кепки и платки.

Стал день по-праздничному светел.
Его поселок ждал давно.
И пусть я никого не встретил, —
Я рад со всеми заодно.

Мне с каждым хочется обняться,
И почему, не знаю сам,
Но я завидую, признаться,
Чужим улыбкам и слезам.

Как ни горьки нам расставанья,
Но можно смело пренебречь
Оседлостью существованья,
Чтоб испытать волненье встреч.

* * *

Деревьям ветер перед листопадом
Заламывал вершины набекрень.
Но тепел был он,
и по палисадам
На удивленье зацвела сирень.

А ведь стояло близко бабье лето,
И подходили сроки холодов.
— Нас посещает в жизни раз
любовь, —
Ты говоришь, а я не верю в это.

В ЛАЙНЕРЕ

Облака — воздушные торосы —
К горизонту жмутся табуном.
Как в немом кино, бушуют грозы
Под широким лайнерским крылом.

На борту не зыбко и не тряско.
А вначале тянешься к окну
И глядишь в просветы туч с опаской,
Будто отбываешь на Луну.

И уже следить неинтересно
За двойной стремительностью дня.
Между кресел ходит стюардесса,
Как в кафе, посудою звеня.

Девушка из племени курносых,
Русых кос на голове венок,
Раздает с пластмассовых подносов
Бутерброды и фруктовый сок.

Что мне в ней?
Всего лишь — оглянулась.
Да еще загадка — не пойму,
То ли всем, летящим, улыбнулась,
То ли мне, из сотни одному.

По-земному тяготею к косам,
Вновь ловлю ее улыбку, взгляд.
Без вниманья молнии и грозы
Под крылом у лайнера шалят.

ЛИВЕНЬ

Неудержимо, словно коршун,
Свалился ветер с высоты.
Речную гладь внезапно сморщил,
Пригнул прибрежные кусты.

Упруго закачались кедры,
Вздохнули сосны за бугром.
И, совершив разведку ветром,
Как взрыв, тревожно лопнул гром.

А туча — глыбой темно-синей,
Неотвратима и грузна.
И на мгновенье перед ливнем
Установилась тишина.

Еще уверенный можорный
Предупредительный раскат —
И ливень, как горох отборный,
Зарокотал по крышам хат.

Пыль на дороге заметалась,
Но по обочинам слегла.
Земля от грома сотрясалась
И влагу с жадностью пила.

Затем, спадая понемногу,
Запас теряя сил своих,
Дождь пробежал через дорогу,
За грядки прыгнул и затих.

Пробило солнце тучи грудью,
Сияя, как от счастья мать.
Земля тревожилась. Но будет
Опять такого грома ждать.

АПРЕЛЬ

Зима копила пыль и копоть
И на задворках по углам,
Подняв горбатые сугробы,
Скрывала всякий лом и хлам.

Она не мыла, не стирала,
А только для отвода глаз
В дни снегопадов застилала
Стерильным снегом грязный наст.

Тянулись длинные недели,
Метель кружилась над землей,
Пока апрель под звон капели
В упор не встретился с зимой.

Лучистой солнечною властью
Ручьи спуская под мосты,
Он рвет пласты снегов на части,
Как изветшавшие бинты.

Бунтуя, к руслам речек мусор
Спешат потоки унести.
Апрель — сторонник наших вкусов,
Не терпит грязи на пути.

* * *

Родина — полет и вдохновенье,
На земле и в небе новый след.
Годы, как могучие ступени,
В Космос отбывающих ракет.

Так растем — рукой подать до Марса,
Дни труда, как солнце, горячи.
Коммунизм, оконтуренный Марксом,
Близок, до деталей различим.

К одному направлен ход событий,
Время мчится, одному внемля:
На коммунистической орбите
Непременно будет вся земля.

Как сейчас порадовался б Ленин,
Если посмотрел на нашу жизнь!
Годы, как ракетные ступени,
Родину выводят в коммунизм.

1 р 13597

СОДЕРЖАНИЕ

С. СЕРИКОВ. Звезды. В горах. Дорога. Чтобы увидеть твою улыбку... . . 3
И. ИСТОМИН. Творчество. Пастух. *Перевод с ненецкого И. Измайловского* . . 8
М. ЛЕЦКИН. Если трезво смотреть на вещи... Фидель. 11
П. АМЕЛИН. Мы по земле... Рядовой. Подснежники цветут. Лесоруб. Гуси. . . 14
В. ЗАКОНОВ. Экскаваторщик. . . . 24
Ф. НЕЧАЕВ. Зерно. Хлебороб. 26
Ю. ШЕСТАЛОВ. Россия. *Перевод с мансийского В. Старшинова.* В морозном небе звезды хохлятся... *Перевод с мансийского Д. Сухарева.* 29
В. ФАЛЕЙ. Саксонской девушке. Осень. Любопытство. 32
А. ТАРХАНОВ. Вечерняя волна. От мороза в инее... Весенние костры. 37
С. НАЗАРОВ. Второе цветение . . . 41
М. ШУЛЬГИН. В медвежьем бору. *Перевод с хантыйского А. Радыгина.* Авка. *Перевод с хантыйского И. Григорьева.* . 43

Н. КАСЬЯНОВ. Время. В огромных лужах расплескалось небо. 47
И. ЮГАНПЕЛИК. В Обской губе. Новое кино посмотрим. *Перевод с ненецкого И. Фонякова* 50
Н. МЕРЕЖНИКОВ. Дальняя родня. В доме приезжих. Отец и сын. Усталость. 53
Л. ЛАПЦУЙ. Тише ты, Пур-река. *Перевод с ненецкого Н. Грудининой.* . . . 61
Ф. ЧУРСИН. Городок. Эстакада. Как ни горьки расставанья... Деревьям ветер перед листопадом... В лайнере. Ливень. Апрель. Родина — полет и вдохновенье... 64

ОЭ 1962 г.
Акт № 1699
Тр 13597

НЕБО У НОГ

Редактор Ф. А. Чурсин.
Художник Е. К. Кобелев.
Техн. редактор Л. Т. Овечкин.
Корректор Ю. А. Набокова.

Подписано в печать 23/V-62 г.
Формат бум. 60x84¹/₃₂. 2,2 печ. листа.
2 уч.-изд. листа. Тираж 3000 экз.
РД 01077. Заказ № 2992.

Типография № 1, Тюмень, Первомайская, 11.

62-1
48477 878

10 коп.